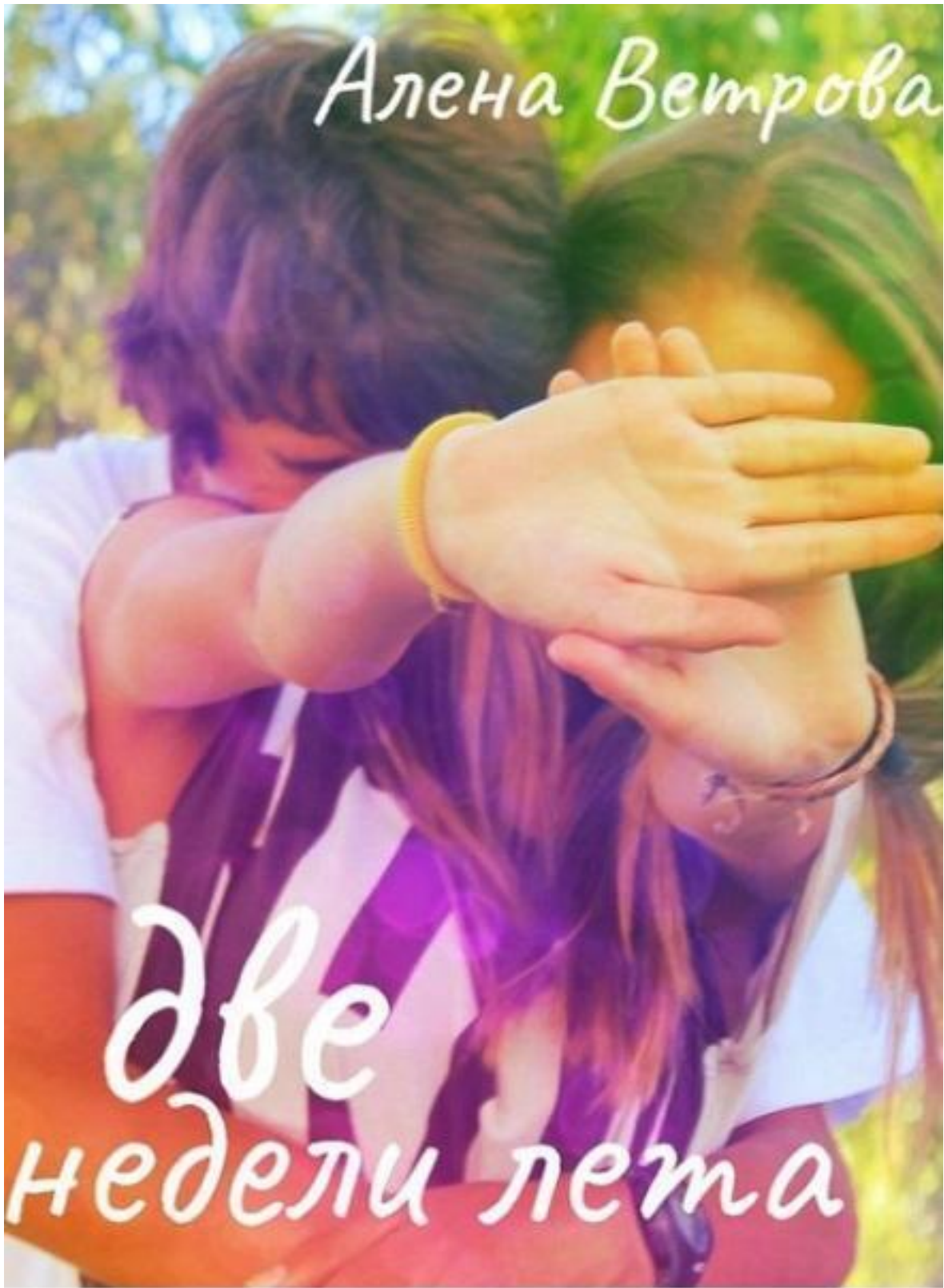

Алена Ветрова

две
недели лета

Алёна Ветрова
Две недели лета

«Литнет»

2025

Ветрова А.

Две недели лета / А. Ветрова — «Литнет», 2025

Четыре времени года Четыре истории любви. Одна из них будет трагедией, финал другой будет открытым и две закончатся ХЭ. Какая из них что? - читайте и тогда точно узнаете! часть 1. «Две недели лета» (лето) Они знакомы с детства. Он - сосед ее бабушки, они проводят вместе всего две недели каждого лета. Друзья ли они? Что станет с их отношениями через годы? И почему, ниточки, связывающие их настолько хрупки? Как оказывается легко потерять то, что по-настоящему тебе дорого и почти невозможно вернуть, но шанс еще есть. Один-единственный шанс и две недели жаркого московского лета... часть 2. «Друзья на неделю» (весна) Жизнь Дениса Горского похожа на день сурка. От одного понедельника к другому и до бесконечности. сможет ли он разорвать этот круг или отчаяние сломает его? часть 3 «Опадёт листва (осень) Он Константин Ветров - хулиган, гроза школы. Она Лиза Незабудкина - дочь врача, примерная девочка. Что может быть общего между ними? Справится ли Костя с давлением своего прошлого «мира»? Или за это расплатится его Незабудка? Часть 4 «Лучший друг моего брата (зима) - БОНУСНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЧАСТЬ ВЫЛОЖУ ОДНОМОМЕНТНО В ДЕКАБРЕ История Полины (сестры ГГ из первой части) и его лучшего друга - Антоныча части самостоятельны и самодостаточны, спасибо вам, что читаете! Буду рада новым подписчикам, звездочкам и комментариям - мне важно знать нравится ли вам моё творчество! Ваша поддержка очень стимулирует меня, как автора! Спасибо и пока, я надеюсь, вы ждете продолжения- добро пожаловать в другие мои истории!

© Ветрова А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

История первая "Две недели лета"	6
1.	9
2.	10
3.	12
4.	14
5.	16
6.	19
7.	21
8.	23
Димка	26
Алёнка	27
от автора	28
9.	29
10.	31
11.	33
12.	36
13.	39
14	41
15.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

История первая "Две недели лета"

Алёна Ветрова

Две недели лета

первая любовь

отрывок из книги

"Мы ели мороженое. Вкусное. подтаявшее эскимо и смеялись, вспоминая отрывок из недавно просмотренной комедии. Я увлекся, чуть забежал вперед и резко остановился. словно споткнулся, увидев перепачканный мороженым уголок ее губ. Я сам не понимал что сейчас делаю...

Мир кажется замедлился, разбившись вдребезги на тысячи квантов. Я наклонил свое лицо к ней и заглянул в растерянные глаза. а потом перевел взгляд на приоткрытые губы...

Если бы я ее тогда поцеловал? Она не была бы против?"

цитаты из книги

"Раньше я мечтала о мечте - о ярком, далёком, звенящем. А теперь поняла: самое заветное — это просто чтобы завтра был этот стол, этот смех, этот голос за дверью. Чтобы обычное не кончалось. Чтобы ничто не напоминало о том, что всё может исчезнуть."

"Если бы я мог, то проговорил бы с ней до рассвета... Звук ее голоса, мягкий смех, все это заставляло меня в буквальном смысле плавиться от блаженства. В какой-то момент я даже потерял нить нашего разговора."

- Димка, - тихо позвала она на прощание, - и я напрягся, почувствовав в ее голосе что-то важное, - Я же по-прежнему твой лучший друг?

Девушка с синими, как небо глазами. Какого ответа ты тогда ожидала?"

1.

Впервые я встретила Димку в пять лет. Родители привезли меня к бабушке в Москву, пока сами уехали на какую-то важную конференцию. Бабушка жила почти в центре, в старой сталинской ведомственной квартире. Ей принадлежала огромная (так мне тогда казалось) комната с балконом и переделанный дедушкиной умелой рукой личный туалет, который раньше был просто чуланом. Димкиным родителям достались остальные четыре комнаты, а вот кухня и ванная были общими. Бабушка уже вышла на пенсию и жила, как она выражалась, в своё удовольствие, а раньше она работала проводником на спец. поезде и возила разных шишек в правительственном вагоне. Именно из-за этой её работы и досталась ей эта шикарная ведомственная жилплощадь в столице.

Помню как бабушка привела несколько застенчивую меня на кухню знакомиться с соседями. Маленький тощий мальчик сидел за круглым, покрытым клеёнкой, столом и нехотя ел кашу под присмотром невысокой полноватой женщины - тёти Оли, как представила её бабуля.

- А это Димасик, - продолжила знакомство бабушка и ласково потрепала мальчика по волосам. Он недовольно покрутил головой, отложил ложку и сползнув со стула, встал напротив меня настороженно изучая внимательными серыми глазами.

- Привет, - я решила быть максимально дружелюбной и схватила его руки, совершенно забыв про свои перепачканные недавно съеденным мороженым пальцы, - я - Алёнка, будем дружить?

- Нет, - твердо ответил Димка и я поспешно отпустила его ладони, которые с энтузиазмом трясла в знак приветствия.

«Дурак» - почти уже произнесла я, но увидев бабушкино строгое лицо сдержалась.

Дружить мы всё - таки стали. А проводить две недели лета у бабушки в Москве стало своего рода нашей с ней семейной традицией. По словам бабули она «убивала трех зайцев сразу» окультуривала меня, позволяла совершить перезагрузку родителям и наслаждалась общением с любимой внучкой. Димка был моим неизменным спутником все время, пока я гостила в их общей московской квартире.

Мы были почти ровесниками. Он родился осенью, в конце октября, а я ещё через полгода летом, но из-за того, что он был тощим и маленьким и часто болел в раннем детстве, в первый класс мы поступали одновременно. В честь такого события бабушка повезла нас на ВДНХ. Меня, Димку и уже подростковую пятилетнюю Димкину сестру Полину. Как бабуля с нами справлялась, я искренне не понимаю.

Помню тогда мы впервые сильно поругались. Димка хотел в павильон Космонавтики, я тянула в Москвариум, а Полинка мечтала попасть в «СоюзМультПарк». Бабушка предложила проголосовать и я, подкупившая Полинку обещанием подарить ей свою новую розовую сумочку с блёстками, взамен на посещения океанариума, выиграла. Как тогда выразился Димка, абсолютно бесчестным и примитивным путём. На что я показала ему язык и ответила, что он даже до такого примитива не смог догадаться. Несколько дней после того мы держали хладнокровное молчание и старательно игнорировали друг друга за завтраком и другими приёмами пищи. Но потом Димка, как и всегда сдался и притащил купленное дядей Женей вкуснее мороженое.

Мы сидели на балконном полу в комнате бабушки, ели слегка подтаявшее мороженое и смотрели на небо. Димка сказал, что на падающую звезду нужно загадывать желание. Я загадала дружить с ним ещё долго-долго и никогда не ругаться. А что загадал он, я не знаю, потому что, по словам Димки, желания произносить вслух неправильно, и моё теперь точно не исполнится.

2.

Вы когда-нибудь видели ангела? Ко мне он явился в пять лет в образе маленькой рыжеволосой девочки с ярко-синими глазами и перепачканными в сладком липкими ладошками. Она стояла напротив окна нашей кухни, и солнечные зайчики прыгали в её задорных золотистых кудряшках. Я ел ненавистную кашу и капризничал, а мама выстраивала параллели между моей тягой к нездоровому питанию и преследовавшими меня в детстве простудами и вирусами. В то время я был тощим и мелким и очень стеснялся своей неказистости.

"*Давай дружить?*" - предложила девочка и, схватив мои руки, сжала пальцы своими перепачканными ладошками. Я смотрел на неё оглушённый всей этой радостью, потоком света и блеском открытых сияющих, словно весеннее небо глаз и не знал, что ответить. Единственное, что я понял уже тогда - точно не хочу быть с ней просто друзьями. ведь друзей может быть и много, а я хотел стать для неё кем-то особенным. " Нет," - искренне вырвалось тогда у меня и только по укоризненному взгляду мамы я понял, что ляпнул что-то совсем бестолковое. Девочку звали Алёнка. Она сердито посмотрела на меня и обиженно вздёрнула свой аккуратный, слегка курносый носик.

- Ну как хочешь, - топнув ножкой заявила Алёнка и, развернувшись, собралась уйти в их с бабушкой Ирой комнату.

- Стой, - неосознанно схватил я её за подол коротенького платья, словно уже тогда понимал, что если сейчас отпущу, то уже никогда не смогу приблизиться снова к этой яркой и красивой девчушке, - ты меня не так поняла.

- А ты странный, - развернувшись обратно резюмировала Алёнка, рассматривая моё покрасневшее от смущения лицо, - Ну и ладно, друзья же могут быть чуточку странными? - мило рассуждала она.

Я хотел объяснить ей свои слова, но совсем запутался от неловкости и неумения выразить чувства, переполнявшие тогда мою тощую грудь. Знаете, даже возмужав с годами я все так же терялся в нашем с ней общении и никогда не мог подобрать правильных слов, которые просто застревают произнесенными у меня в горле.

- Почему ты не ешь? - с укоризной спросила она, - Мама говорит, что тот, кто ест кашу по утрам, обязательно вырастет здоровым и сильным. - и добавила, - Если ты останешься таким же хилым как сейчас, как ты будешь меня защищать?

Хитрая, маленькая бестия, из-за её слов я до сих пор ем кашу. В детстве она вообще вила из меня верёвки: таскала самые вкусные конфеты из вазочки, отнимала пульт от телевизора и постоянно подставляла перед старшими. Вляпывалась она, а ругали почему-то ошарашенного ничего не понимающего Димочку.

Полинка, моя младшая, но не по годам развитая сестрёнка, говорила что я *аленкозависимый*. Вечно за ней таскаюсь и смотрю большими и влажными, как у собаки глазами. Тогда я яростно отнекивался, а сейчас понимаю, что все было именно так. Девочка с крупными тугими кудряшки, чуть-чуть похожая на красивую и недоступную куколку, просто засела во мне, подчиняя и заполняя собой и сердце и мысли. Я ждал лета, как остальные ждут Дед Мороза и Новый год. Собирал для неё магнитики из «Пятёрочки», прятал самые дорогие конфеты и строил планы, советуясь с бабушкой Ирой.

В год перед нашим с ней поступлением в школу мы умудрились впервые очень серьёзно повздорить. Я пожалел о сказанном через пару минут и хотел уже позорно капитулировать, но Алёнка надулась и несколько дней ходила важная и молчаливая. Положение спас мой отец, видимо сжалившись над страдальцем, он купил самое любимое Аленкино мороженое и торжественно вручил его мне со словами: «Иди, мирись со своей невестой». Я густо покраснел и

буркнув: «Никакая она мне не невеста», пошёл к бабушке Ире выторговывать за вкусняшки благосклонность рассерженной красавицы.

А потом мы сидели на полу балкона и смотрели на звезды. Я поведал Алёнке рассказанную папой примету загадывать желание на падающую звезду и мы долго вглядывались в тёмно-серое московское небо, ожидая яркую искорку. Алёнка горела нетерпением, а я мечтал, чтобы звезды не падали вовсе, ведь тогда мы могли сидеть так долго - долго, почти до рассвета, вместе.

3.

Димка всегда был моим лучшим другом. Даже когда мы ругались и подолгу не разговаривали друг с другом, я никогда, ни на единую долю секунды не переставала считать его своим самым близким человеком. И пускай мы виделись всего две недели летом, но ниточки, связывавшие нас ещё в раннем детстве только крепили со временем. Я ждала летних каникул и с предвкушением мечтала о том, что же на этот раз придумает этот невысокий тощий мальчишка.

В первом классе мама вручила мне громоздкий кнопочный мобильный телефон. И, хоть папа был против приобщения ребёнка к как он выразился вредностям цивилизации, мама стояла на своём, потому как по её словам важно быть на связи с любимым чадом. Чадо, то есть я, тут же воспользовалась вредностями цивилизации и отправила Димке своё первое коротенькое смс: «Привет!» Он, в отличии от меня ошарашенный бывшим папиным blackberry вежливо ответил: «Здравствуйте, откуда вы знаете мой номер?» Я засмеялась и написала: «Глупый! Это же я, Алёнка, ты сам мне его дал перед отъездом!»

«Алёнка, привет!!!» - тут же получила я радостное приветствие, а ещё через секунду Димка позвонил мне и мы протрещали до ночи, изрядно потратив положенные на счёт телефона деньги. После назидательного втыка от Димкиных родителей мы умилили свой пыл и стали созваниваться, нечасто, по выходным, рассказывая друг другу что же интересного случилось у каждого за неделю.

В шестом классе Димка устроил мне сюрприз и приехал с бабушкой Ирой на Новый год. Его родители, вместе с сестрёнкой улетели к его бабушке и бабушке на Урал, а Димка каким-то чудом уговорил отпустить его к нам на праздники.

Я таскала его по городу, показывая любимые места, познакомила с девченками и заставила встать на лыжи. В Москве снега практически нет и его уроки физкультуры зимой проходят в бассейне. В первый же день приезда бабушка авторитетно заявила: «Алёнка, отведи его на горку, а то наш бедный ребёнок снега белого в этом году ещё не видел». Несчастный Димасик.

Мы катались на санках и я нещадно подрезала его на всем ходу, а он падал в сугроб и смеялся, увлекая меня за собой в белую, пушистую бесконечность. А потом мы сидели, прижавшись друг к другу у батареи, замотанные одним на двоих одеялом и пили чай с малиновым вареньем. Это было настолько здорово, что я с радостью предложила и следующий Новый год тоже встречать вместе.

Первые, ещё незаметные изменения произошли после нашего окончания начальной школы. Я приехала в Москву в июле и Димка не подлетел ко мне как обычно с обнимашками, а так и остался стоять, прислонившись к косяку дверного проёма бабушкиной комнаты.

- Привет, - тихо сказал он мне, чуть прищурив глаза от льющегося через распахнутые балконные окна солнца.

Я смотрела на его окрепшую фигуру и немного не узнавала прежнего друга. Он вытянулся за год и кажется даже стал чуточку выше меня, а ещё он немного поправился и был теперь скорее стройным мальчиком, чем «гремящим костями скелетом». Димкины волосы, выгоревшие от летнего солнца, заметно отросли и больше не походили на гладко выбритую вертолётную площадку. Мне всегда нравились длинноволосые мальчики и Димка, с его короткой, почти под ноль, стрижкой часто являлся объектом моих насмешек. Правда до этого лета данная ситуация его вполне устраивала.

- Привет, - радостно ответила я и подбежала к нему с намерением привычным жестом схватить его за руки, точь-в-точь, как в самую первую встречу в раннем детстве и слишком поздно заметила, что Димка держит руки в карманах.

От неловкости меня спасла не пойми откуда взявшаяся Полянка с шумом налетевшая на меня с поцелуйчиками и обнимашками.

- Ты такая красивая-я, - восторженно заявила она, отойдя на два шага и беззастенчиво разглядывая мой теперешний облик, - прямо как куколка.

Меня часто называли куклой из-за длинных кудрявых волос, что лежали на моей спине крупными буклями. Я специально не стригла их, оттягивая внимание от цвета. «Пусть лучше зовут куклой, чем рыжей» - решила я, стесняясь своего яркого оттенка.

- Ну что встали, входите, - мы торт привезли, - пригласила всех бабушка, которая в этом году сама забирала меня у родителей.

Мы пили горячий чай с «наполеоном» и я украдкой поглядывала на непривычно молчаливого Димку, гадая, что с ним случилось.

- Алёнка, не переживай, он просто обалдел от твоей красоты, - заметив это, тихо прошептала Полянка, - на самом деле он каждый день ждал твоего приезда, даже дни в календаре зачёркивал, весь извёлся, хочешь покажу? - заговорщически предложила она.

4.

Я знал, что она приехала. Дни в календаре зачёркивал, а когда увидел, как они с бабой Ирой заходят в подъезд, то рванул следом из магазина и плевать, что сумки были тяжёлые. Не успел, они уже на лифте уехали. С каждым годом *аленкозависимость* во мне только росла, если бы я уже тогда изучал геометрию, то сказал бы, что в геометрической прогрессии*.

Помню в шестом классе я весь декабрь ходил за мамой и уговаривал её отпустить меня с бабушкой Ирой в гости к Апенкиным родителям. Посуду за всех мыл, мусор выносил без напоминаний и даже четверть закончил на одних пятёрки. Но усилия того стоили!

Наверное, это был лучший Новый год в моей жизни. Даже сейчас, спустя много лет, я по-прежнему так думаю. Запах еловых веток, обжигающий губы чай и вкус клубничного варенья, если я закрою глаза, то легко нарисую в своём воображении эту картину. А ещё её – маленькую и замёрзшую, с покрасневшими от мороза щёчками. Толи из-за любви к клубничному варенью, толи из-за гигиенической помады с тем же ароматом, или из-за её неизменного шампуня «Love Nature» фирмы Oriflame, но Алёнка из моих воспоминаний всегда пахла клубникой.

Милая, клубничная фея с украшенными кусочек весеннее неба глазами и рыжими кудряшками. Она всегда была очень хорошенькой. Такой, что при взгляде на неё у меня сбивалось дыхание, но сегодня я действительно не был готов к ожидавшим меня переменам.

Я влетел в квартиру следом за ними, бросил сумки на кухне, проигнорировав недовольно заворчавшую Полю и буквально побежал в комнату Ираиды Петровны. Но застыл. Новая, незнакомая мне, Алёнка стояла в лучах яркого летнего солнца и улыбалась. Я с трудом успокоил участвовавшее дыхание, прислонился к косяку, словно искал опору для собственного, разом ослабевшего тела и поспешно спрятал в карманы затрясшиеся от волнения руки.

- Привет, - глухо сказал я, шурясь толи от солнца, толи от её лучезарной улыбки.

- Привет, - тут же отозвалась Алёнка.

Думаю она хотела привычным жестом схватить меня за руки и закружить по комнате, восторженно визжа, но растерялась, наткнувшись на мою застывшую фигуру. Положение спасла вовремя появившаяся сеструха, правда потом выдала меня с головой, ну зачем ей было выдавать Алёнке то, насколько я по ней скучал?

Мы пили на кухне чай с тортом. Я сидел, молчаливо уткнувшись в чашку и лишь изредка поднимал глаза на свою повзрослевшую подругу. Кажется Алёнка стала красить ресницы. Или они всегда были такими длинными и темными?

- А ты чего это волосы так отрастил? - неожиданно спросила Алёнка и я выплеснул от неожиданности чай.

- Все в порядке? - участливо уточнила бабушка, а я красный, как помидорка поспешно наступил на ногу, сидящей рядом и открывшей было рот сестре. Она ойкнула и выразительно посмотрела на меня хитрыми, оценивающими глазами. Мелкая шантажистка, наверняка придумывает, что же у меня попросить за молчание!

Волосы я на самом деле отрастил тоже из-за Алёнки. Как-то по весне, зайдя в комнату к Полине, я заметил, что она с интересом рассматривает фотографию незнакомое мне паренька.

- Кто это? - без особой заинтересованности спросил я, выглядывая у нее из-за спины.

- Мальчик, который нравится Алёнке.

- Чего? - почти заорал я, не справившись с эмоциями и чувствуя, как жжёт в лёгких, словно из них разом выкачали весь воздух. Я с семи лет занимался плаванием, так вот это чувство, как будто плывёшь стометровку не в своём темпе и забываешь сделать очередной вдох.

- А что? - сощурила глаза Полина, - Страшно, Димочка? - издевательски рассмеялась она.

А я смотрел на фото и понимал, что меня по-жёсткому развели. Парень на снимке был безусловно симпатичным, темноволосым, с густой, довольно длинной шевелюрой, но каким-то ярко накрашенным и немного узкоглазым.

- Это кто? - требовательно повторил я свой вопрос.

- Наш с Алёнкой общий биас.**

- Чего? - все так же непонимающе продолжил я, но расслабился, сел на кровать и теперь уже спокойно ждал объяснений.

- Тёмный ты, Дима, - миролюбиво ответила сестра, - это наш любимый певец Эл - вижурал корейской группы Infinite

- Пофиг, - я поменял положение, и закинув руки за голову, вытянулся на кровати. Где Аленка, а где Корея? Этот красавчик нам вовсе не страшен.

- Кстати, - ехидно добавила Поля и я инстинктивно подобрался, ожидая следующих её откровений, - а ты знал, что Алёнка терпеть не может коротковолосых?

**Геометрическая прогрессия — это последовательность чисел, где каждый последующий член получается умножением предыдущего на одно и то же число. Это число называется знаменателем — q .*

Например, последовательность 2, 6, 18, 54 — это геометрическая прогрессия с первым членом $a_1 = 2$ и знаменателем $q = 3$, так как: $2 \times 3 = 6$, $6 \times 3 = 18$, $18 \times 3 = 54$

*** «Биас» (от англ. *bias* — предвзятость) — любимый участник или участница в группев культуре k-pop*

5.

Все окончательно изменилось в мои четырнадцать. То лето стало поворотным моментом в наших с Димкой отношениях. Обычно я приезжала к бабушке в июне, но в этот раз в июне мы летали к папиным родителям в Мурманск и мои «московские каникулы» было решено перенести на август.

Я впервые путешествовала одна, папа, посадив меня в вагон скоростного поезда, помахал доче ручкой и ускорился праздновать с мамой временное «безподросковье», как он выразился. Димка должен был встречать меня на вокзале. Я вышла из своего седьмого вагона, таща за собой тяжёлый чемодан и высматривая шуплюю фигурку на перроне.

Вдруг какой-то незнакомый мне, высокий, и видимо не вполне адекватный парень в белой футболке и потертых удлинённых джинсовых шортах, принялся этот самый чемодан просто выдирает из моих рук. Я, обалдевшая от такой наглости, пнула его под колено, и пока он согнулся от боли, рванула в сторону здания вокзала.

- Стой, - закричал парень смутно знакомым голосом.

Я повернулась и глупо уставилась на Димку, который снимал, скрывавшие его лицо тёмные очки. Реально обалдевшая я только сейчас поняла, что это был он.

- Ты почему ничего не сказал? - сердито начала я.

А он улыбнулся какой-то новой, чуть нагловатой улыбкой и тихо сказал: «Прости». Мы виделись всего полгода назад, я сдержала обещание и уговорила родителей встречать Новый год в Москве.

Мы опять ездили на ВДНХ, катались на фуникулёре и учили Полину стоять на коньках на местном катке. А тридцать первого всей толпой отправились на Красную площадь и кричали: «С новым годом!» Родители и бабушка пили шампанское, а мы чай. А потом пешком шли домой...

Я прикрыла ладонью глаза, щурясь от яркого солнца и внимательно разглядывала «нового» Димку. Как этот худощавый и не слишком высокий мальчишка мог превратиться в стоящего передо мной широкоплечего и довольно мускулистого детину всего за полгода было для меня загадкой.

«Даже если встану на цыпочки, врядли наши глаза будут на одном уровне» - самое глупое, что пришло тогда в голову.

- Все рассмотрела? - немного самодовольно заметил Димка и рассмеялся, заметив моё смущение, - Тогда пошли.

Кажется теперешнее преимущество в росте прибавило ему самоуверенности. Мы нырнули с толпой в метро у Казанского вокзала и поехали к бабушке. На выходе с эскалатора я споткнулась и почти упала, но идущий позади меня Димка заботливо подхватил за локоть. Я повернулась, чтобы поблагодарить и столкнулась с обеспокоенными серыми глазами.

Мир почему-то замедлился...

Я никогда не смотрела на Димку, как на привлекательного парня. Мальчика, от которого может перехватить дыхание и сейчас, смущённая собственными дикими мыслями рванула от него к выходу.

- Алёнка, ты чего? - испугался он, - Ударилась? Больно?

Он поспешил за мной, бросил чемодан и с осторожностью осматривал меня, дотрагиваясь своими сильными загорелыми руками. А я, смущённая и раскрасневшаяся, заворожённо смотрела как напрягаются вены под его тонкой золотистой кожей.

Вот так неожиданно я кажется влюбилась в лучшего друга...

Мне было четырнадцать, а ему четырнадцать с половиной. В этом возрасте страх быть непонятым и отвергнутым встаёт на пути наших признаний и смелых поступков. Я боялась его потерять, боялась, что если расскажу, что чувствую, то навсегда потеряю Димку даже, как друга.

Мы по-прежнему проводили вместе большую часть времени. Ходили в кино, ели на балконе мороженое и смотрели, как в детстве на звезды. Когда Димка не видел, я украдкой рассматривала его лицо, стараясь запомнить каждую чёрточку: прямой нос, тёмные, с лёгким изломом брови, серые глаза и тонкие, обветренные губы. Он любил развалиться на балконе, положив голову мне на колени и я гладила его по волосам, с наслаждением пропуская шелковистые пряди через пальцы.

За два дня до возвращения в Нижний Димка пригласил меня в аквапарк. Собиралась большая компания: мы, Полинка и его одноклассники, несколько мальчишек и девчёнок. Наверное, в каждой из нас живёт желание быть лучшей для самого дорогого нам человека. Даже, если притворятся, что он всего лишь друг. Я рассматривала себя в зеркале, хрупкую, в бирюзовом купальнике с собранными в высокий хвост волосами и немного смутилась. Ведь Димка впервые увидит меня в таком виде.

В аквапарк мы приехали порознь, мы с Полинкой стояли у входа, а Димка пошёл искать одноклассников. Шумный темноволосый Толик, сдержанный, немного отстраненный Антон, болтушка Нина и яркая, фигуристая блондинка Таня. Вот и вся компания, которую представил нам с Полей Дима. Чуть позже должен был приехать Влад, старший брат Антона, студент. Он был нашим проходным билетом, ведь Полинке ещё не было четырнадцати и её могли пустить на аттракционы только в сопровождении взрослого.

Мальчишки шутливо поклонились с интересом рассматривая меня (Полинку, как оказалось они уже знали), а девочкинестройно сказали : «Привет!»

- Значит ты та самая подружка детства? - как бы между прочим поинтересовалась Таня, убирая вещи в рядом с мои расположенный ящик.

- Да, - настороженно ответила я.

Это Дима рассказал ей о нас или она просто узнала от мальчишек? Если честно, меня мучила ревность, Яркая, женственная Таня, Интересно, насколько они близки?

Я засмушалась, выходя в водный зал, и застенчиво скрестила руки на груди. Новые, с трудом контролируемые чувства придавали каждому событию иное значение. Что он скажет, впервые увидев меня такой? Я не была округлой и мягкой, как выходившая за мной следом Димкина одноклассница. С тонкой талией и выпирающими лопатками и рёбрами я ощущала себя гадким утёнком, рядом с гораздо более фигуристыми красавицами. Поискав глазами Димку я наткнулась на его восхищенный взгляд.

Он на меня так смотрел или на Таню?

А потом мы начали веселиться. Брызгали в друг друга водой, скатывались паровозиком с горок и катались по ленивой реке на водных ватрушках. Димка почему-то был мрачным, он не поддерживал общее веселье и все больше лежал на шезлонге в одиночестве. Может быть он переживал за Полинку, которая, как шальная уже четвёртый раз отправилась покорять «камикадзе»?

- Ты в порядке? - я присела рядом с другом, на время оставляя шумную компанию.

- В полном, - немного резко ответил он мне, старательно избегая зрительного контакта.

Он злится на меня? Почему?

- Димка, - я осторожно взяла его за руку и он отдернул её, как ошпаренный, а потом неожиданно вскочив с шезлонга бросил.

- Давай, пошли к остальным!

Боль засела глубоко внутри, я закрыла глаза, стараясь унять появившиеся в них слезы и легла на живот, пряча от всех расстроенное лицо.

- А-ле-на, - растягивая моё имя тихо позвал наш новый знакомый - Влад, - тоже устала от всеобщего веселья? Он плюхнулся на соседний шезлонг.

- Да, немного, - соврала я, желая скрыть истинную причину своего добровольного одиночества.

- Как ты смотришь на то, чтобы сбежать отсюда и поесть что-нибудь вкусненькое? - весело предложил он и я непонимающе посмотрела на разместившегося рядом парня.

Почему он предложил это мне? Я что, ему понравилась?

Мне конечно же льстила такая ситуация, но Владу девятнадцать, он студент третьего курса, а я - обычная тощая семиклассница. К тому же мама всегда меня учила осторожности в общении с малознакомыми людьми.

- Не стоит, - как можно мягче отказала я, - кажется мне нужно отлучиться.

Я струсила и просто сбежала в уборную, избегая даельнейшей неловкости, а когда возвращалась, то к Владу присоединилась уже вся мужская половина компании. Я хотела окликнуть их, но остановилась, услышав, заинтересовавший меня разговор. Это был обычный трёп между мальчишками и я знала, что подслушивать нехорошо, но не смогла сдержаться.

- А она хорошенькая, - задумчиво сказал Влад.

- Кто? Танька? - тут же поддержал его Толик.

- Не она, - он изучающе посмотрел на плавающую в бассейне Таню, - я о вашей рыженькой, Алене.

- Да, Алена реально красивая, и кудряшки эти, на фею похожа, - поддержал брата Антон, - понятно почему Димыч скрывал её от нас так долго.

Я замерла, ожидая Димкиного ответа и даже перестала дышать.

- И что вы все в ней увидели?- угрюмо буркнул мой друг, - Рыжая и тощая, как селёдка.

И я поняла, что никогда ему не нравилась...

6.

Это было ударом под дых. Милая, смущающаяся Аленка в бирюзовом купальнике. Я смотрел на нее жадными, восхищенными глазами и чувствовал, как внутри меня поднимается что-то абсолютно неконтролируемое. Я хотел подойти к ней, коснуться, выпавшей из хвоста пряди, обнять за тонюсенькую талию и поцеловать в уголок губ. Так, стоп! Я сжал кулаки, останавливая собственные бурные фантазии.

Пришлось напомнить себе, что мы все еще в аквапарке, а я так и не признался ей в том, что мои чувства давно вышли за пределы обычной дружбы. Да кому я вру? В тот самый миг, когда она впервые появилась передо мной, в своем пышном голубеньком платье я влюбился в нее, как последний дурак на планете, и я точно знаю, что это никогда не изменится, сколько бы материков и океанов нас не разделяло в будущем, сколько бы девчонок я не встретил, я буду любить только ее.

Я всегда стеснялся своего роста и щуплости и думал, что не достоин, признаться в симпатии к такой красавице, как она. Девочка с ярко-синими глазами, похожая на ангела, в своей утонченности и хрупкости. Она с раннего детства ходила в танцевальную студию, и все ее движения напоминали мне причудливый танец, будто-то Аленка не ходит, как все мы, а просто парит над землей. Настолько легка и грациозна она была.

К счастью, еще весной в седьмом классе я вдруг бурно пошел в рост, плюс занятия плаванием подтолкнули развитие плеч и грудной клетки. Я стал отжиматься по сто раз в день и пошел в качалку. Правда последнее практически не помогло. Я так и не стал обладателем горы мускулов, но свои шесть кубиков на прессе получил и был этому крайне доволен.

Помню, в конце седьмого года обучения я уже стал вызывать интерес у одноклассниц. Даже наша признанная красавица Таня сама дала свой номер телефона и предложила звонить летом и выбираться куда-нибудь вместе.

Я хотел удивить Аленку своим новым обликом и специально напялил темные очки, правда сам же и поплатился. Подруга не узнала меня, а когда растерявшийся я, видя, как Аленка равнодушно проходит мимо, попытался остановить ее, забрав тяжелый чемодан, то и вовсе получил туфелькой под коленку. Слава Богу, что она не метила выше.

А потом разомлел от ее удивленно-одобрительного взгляда и позволил себе пошутить. «Все рассмотрела?» - лукаво спросил я и рассмеялся, скрывая радость, заколотившуюся в груди.

Мы ходили в кино, бродили от нечего делать по торговым центрам, гуляли в парках и каждый раз, я хотел набраться смелости и попросить ее стать моей девушкой.

Много раз, лежа головой на ее коленках, растянувшись во весь рост на балконе, я отсчитывал до десяти и пытался произнести: «Ты мне нравишься». Но такие простые с виду слова застревали у меня в горле.

Дни, проведенные вместе, мелькали незаметно. Я очнулся, когда до ее отъезда осталось всего два дня. Тогда-то и родился у меня дурацкий план с аквапарком.

Я понял на сколько он плох только тогда, когда осознал, что на любимую мной девушку с интересом смотрят почти все парни в этом гребаном «аквариуме». Ну, или мне так казалось тогда от ревности.

Я видел, как ребята из моей же компании пускают слюни, разглядывая ее прелести липкими взглядами, и хотел замотать Аленку в полотенце и утащить подальше от всей этой похотливой братии, но не мог. Чтобы я предъявил ей в качестве объяснений? Прости, но ты слишком соблазнительная в этом своем бирюзовом купальнике и я просто с ума схожу от желания

зацеловать тебя и набить им морду, за то, что они тоже посмели тебя желать? Или тут только я такой сумасшедший?

Еще и Влад, приглашенный только из-за не проходящей по возрасту Полинки, в качестве опекающего нас взрослого, он просто не отлипал от Аленки. Высокий, наглый, самоуверенный.

Я мрачнел и раздражался, и, как капризный ребенок злился на все и всех, а в особенности на нее, девушку, вызывавшую во мне все эти страдания. Вместо красивого признания под струями воды, я сбежал и лежал, съедаемый ревностью на шезлонге и смотрел, как она смеется, обливая водой из игрушечного пистолета моих одноклассников.

- Дима, ты в порядке? – участливо спросила она, с тревогой смотря на меня своими огромными обеспокоенными глазами.

Я терялся в синеве ее глаз, задышался от желания дотронуться до бледной кожи и злился от осознания того, насколько она легка и непринужденна в общении со мной. Друг, просто друг, мальчик из соседней комнаты.

- В полном, - коротко ответил я.

А когда она осторожно дотронулась, испугался, что не выдержу и притяну к себе на глазах у всех в желании присвоить и сбежал. Струсил и опять не смог сказать ей самого важного.

Да еще и ребята, устроившие обсуждение. Обычный мужской треп на тему: «Кто из подружек самая лучшая?» Если бы я мог заткнуть им рты, то обязательно сделал бы это, еще бы и скотчем запечатал. Ну почему, почему они обсуждали мою Аленку?

И когда они полезли ко мне буркнул первое попавшееся про селедку. На самом то деле совсем так не думал, она для меня всегда была самой лучшей.

А потом Аленка раньше всем ушла из аквапарка. Таня, столкнувшаяся с ней в раздевалке, сказала, что у Аленки разболелась голова, и она, не хотевшая портить веселье остальным, просто уехала самостоятельно.

Я метался как раненый зверь, нацепил одежду, так и не успев как следует обтереться, и побежал следом. Жаль у аквапарка еще не построили станцию метро, и приходилось ездить на автобусах, что ходили по расписанию. На тот, в котором уехала Аленка, я не успел, а следующий безбожно опаздывал. Я почти выл от отчаяния, звонил ей и писал бесконечные смс и наконец получил короткое: «Я в порядке». Но где-то внутри меня жило осознание, что все не так. Она бы не оставила нас с Полиной и не умчалась бы так поспешно в одиночестве. Что-то произошло, и я должен был узнать, кто или что заставило ее уехать.

Когда я наконец добрался до нашей квартиры, то застал только растерянную Ираиду Петровну.

- Что случилось? – спросил я бабушку, - где Алёнка?

- Так уехала, - грустно ответила она мне.

- Почему, у нее же поезд только через два дня, - если честно я почти задышался от охватившего меня отчаяния.

- Вот и я говорю, только вчера отказалась от предложения родителей полететь с ними в Черногорию, планировала остаться до конца августа, - баба Ира горестно вздохнула, - а сегодня, влетела в слезах, волосы мокрые и бегом собрала чемодан. Сказала, что все-таки решила лететь с родителями на море.

Я не знал, что Аленка хотела остаться в Москве до конца лета. Почему она передумала? Я рванул на Казанский вокзал, но так и не нашел там ее.

Много раз после этого я писал и звонил ей, но все мои попытки так и остались без ответа. Несколько раз я даже порывался поехать к ней в Нижний, но снова струсил...

Через месяц Полинка сообщила мне, что Аленка потеряла телефон в поезде и переслала мне ее новый номер.

7.

Так одна фраза, подслушанная в чужом разговоре изменила мою жизнь. Она разрушила построенный карточный домик и оставила лишь разбросанные по закоулкам души кусочки. Я ехала домой в Нижний тупо уставившись в окно и не обращая внимания на разрывавшийся от звонков и смс телефон. Если родители и были удивлены резкой смене моего решения, то увидев моё зарёванное и осунувшееся лицо тактично промолчали.

Десять дней на Адриатическом море, узкие, старинные улочки Котора и Будвы, чайки, орущие под окном нашего номера по утрам. Все то отвлекло меня от произошедшего в Москве. Сделало события того дня далёкими и менее болезненными.

Я так и не решилась прочитать Димкины сообщения. Просто сменила симку и написала Полине, что потеряла свой телефон в поезде. То была ложь, но так мне было легче отпустить наше с ним прошлое. Все задушевные разговоры, милые сообщения и общие фотографии я вычеркнула вместе с надеждами стать для своего друга кем-то большим, чем девочка, что проводила с ним всего две недели московского лета.

На Новый год мы семьей поехали в Питер. Я убедила родителей, что проводить второй новый год в Москве скучно, а на предложение позвать с нами Полину и Диму резко отказалась, сославшись на то, что у них наверняка уже есть свои планы.

В пятнадцать мне впервые признался в любви мальчик из параллельного класса. Мы ходили с ним в школьный клуб любителей фотографии. Часто ездили по выходным делать снимки природы, жилых кварталов. Конечно же не вдвоём, а вместе со всеми ребятами из кружка. Максим почти сразу начал меня выделять. Он занимал мне место в автобусе и школьной столовой, приглашал в одну группу для выполнения тематических заданий, даже несколько раз провожал до дома, когда мы поздно возвращались с фотовылазок. Он был абсолютной противоположностью моего лучшего друга: тоже высокий, но гораздо более крепкий, со жгучими, почти чёрными глазами и такими же чёрными, слегка выющимися волосами. Добрый, уравновешенный, спокойный. Он разительно отличался от непостоянного, непоседливого и обидчивого Димки.

«Зачётный парень», - написала мне Полинка, когда я послала ей его фотографию. Мы продолжали общаться и часто перебрасывались сообщениями в мессенджерах.

С Димой мы тоже изредка переписывались, но уже без подколов и дурацких мемов, сухо и коротко. И больше не созванивались по вечерам. За весь год я позвонила ему всего один раз - на его день рождения. Я долго решалась, взвешивая за и нет, по сотни раз спрашивая себе: «А стоит ли?» и даже хотела отделаться трусливым сообщением, боясь, что расклеюсь от звуков его голоса.

- Привет, - выдавила я из себя.

- Привет, - ответил он незнакомым мне низким, чуть хриловатым, по-настоящему взрослым уже голосом.

И я запаниковал, понимая, насколько многого не знаю теперь о своём лучшем друге.

- Ого, да ты там совсем вырос что ли? - неловко пошутила я, скрывая охватившее меня смущение, - До потолка достаёшь?

- А ты? - ответно подколов он, - Все такая же мелкая?

И стало немного легче. Так, словно зажатую внутри пружину, чуть-чуть отпустило. Я поздравила его с днюхой, расспросила об учёбе и планах на будущее. Мы говорили довольно долго и кажется оба соскучились по такому общению. Но ни разу на протяжении разговора ни я ни он не затронули тему моего поспешного отъезда летом.

После того разговора наши отношения снова вернулись в дружеское русло, но уже никогда не стали такими близкими и откровенными, как прежде. Словно у Димки в Москве была своя, абсолютно чужая мне галактика. Летом, после девятого класса на вокзале меня встречала Полинка. Оказалось Димка уехал в спортивный лагерь. Так случилось, что его смена в тот раз совпадала с моим приездом. Я стояла под слепящим солнцем и щурилась, вытирая слезы, выступившие от его невозможной яркости. Димка оставил мне подарок: коробку конфет и маленького смешного медвежонка-тедди. Значит он все ещё помнил, что я их обожала.

Я часто сидела в одиночестве на балконе, прижав к себе плюшевого мишку и отчаянно скучала по своему жестокому другу. Он даже не позволил себя увидеть. Почему-то я была уверена, что лагерь - просто предлог, чтобы избежать нашей с ним встречи.

Я настолько ему надоела, что он решил вычеркнуть меня из своей жизни?

8.

Почти два месяца после её отъезда я приходил в себя, буквально собирая по крупичкам. Черт возьми, раздираемый неизвестностью и отчаянием я тысячи раз написал ей люблю, но так и не получил ответа. И только спустя месяц узнал, что Алёнка потеряла в поезде телефон и сменила номер. Так моим признаниям не получилось случиться. Когда я узнал об этом от сеструхи, то долго держал в руках бумажку с номером, что отдала мне Полинка, и почти выл от накрывшей меня безысходности.

Может быть, в наши отношения с Алёнкой вмешалась сама судьба?

Мы возобновили общение, спрашивали друг друга как дела, вежливо и предельно отстранённо, словно боялись пересечь невидимую черту, которая раз и навсегда изменила наши отношения. В день моего пятнадцатилетия на меня вдруг накатила особенная хандра. Я весь день тупо провалился в кровати, отказавшись и от шумной компании парней, и от торта, чем огорчил старавшуюся ради меня маму. Я смотрел в потолок, на то, как вечерние тени медленно заползают в комнату и почти подпрыгнул, услышав громкий звонок. Давно позабытая мелодия рингтона, установленная на самого важного для меня человека.

- Привет, - сказал я ей севшим от волнения голосом. И почувствовал, как ускоряется, заколотившее в ребра сердце.

- Ого, да ты там совсем вырос что ли? - пошутила Алёнка.

- А ты? – подхватил ее шуточный тон я, - Все такая же мелкая?

Если бы я мог, то проговорил бы с ней до рассвета... Звук ее голоса, мягкий смех, все это заставляло меня в буквальном смысле плавиться от блаженства. В какой-то момент я даже потерял нить нашего разговора.

- Димка, - тихо позвала она на прощание, - и я напрягся, почувствовав в ее голосе что-то важное, - Я же по-прежнему твой лучший друг?

Девушка с синими, как небо глазами. Какого ответа ты тогда ожидала?

- Ты в курсе, что Алёнка увлеклась фотографией? – мы сидели на кухне, и Полинка как бы невзначай спросила меня об этом.

- Мелкая, - беспричинно разозлился я, - ты то откуда знаешь?

- Ну так мы же общаемся, - сеструха округлила глаза и будто бы с укором специально выделила эту фразу, - Вот, смотри, - она протянула мне свой телефон и я с жадностью стал разглядывать присланные ей Алёнкины снимки: осенний парк, лестницу, саму Алёнку, смеющуюся на аллее на фоне кружащихся в воздухе желтых листьев.

- Поля? – умоляюще протянул я, готовый под стол забраться от неловкости.

- Что? – понимающе хмыкнул она, - Тебе переслать?

- А можно?

- Какой же ты все-таки тупица, мой братец.

Алёнка не приехала на Новый год, напрасно я ждал до последнего и караулил, как собачонка входную дверь. Наверное, мой Дед Мороз тоже вырос и больше не исполняет желания.

«Привет, с Новым годом!»- с сотой попытки я наконец-то отправил ей коротенькое сообщение.

«Димка, привет, рада тебе, а мы в Питере». – она ответила почти сразу, словно ждала моего поздравления и следом прислала фотографию. Она, тетя Маша и дядя Саша(ее мама и папа) на фоне горящего огнями Невского. «С Новым годом, дружище!»

Почему, при каждом удобном случае она упоминает это свое дружище? Словно догадывается о моих чувствах и просит не переходить черту?

Я смотрел на нее и почти плакал, в белой пушистой шапочке и голубом пуховике она походила на милую, разругившуюся Снегурочку. Жутко хотелось быть сейчас рядом, взять

за руку и гулять до утра по Питеру. Слушать ее заразительный смех и согревать замерзшие пальчики своим горячим дыханием.

Полька выразительно покрутила у виска.

- Иногда ты напоминаешь мне утопающего, - она вышла позвать меня за стол, мама и Ираида Петровна уже накрыли праздничный ужин.

- Почему она не приехала? – горестно спросил я сестру.

- Сам подумай, - иногда мне казалось, что Полина сердится на меня. Будто это именно я виноват в наших испортившихся отношениях с Алёнкой.

Снова наступило лето. Занятый учебой и плаванием, я почти не заметил, как пролетел мой девятый. Кажется, я еще больше вырос и чуть-чуть окреп. Мрачная отрешенность, присущая мне в последнее время, как ни странно вызвала повышенный интерес среди одноклассниц. Как сказал мой приятель Антоха, он слышал, что они, то есть девчонки, называли это ареалом загадочности. Так или иначе, но даже самая красивая девочка класса Таня, с которой мы немного общались еще с прошлого года, периодически смотрела на меня томными глазами. Я смущался, отводил взгляд, но все же радовался, думая: *«А вдруг? Что если Алёнка тоже западет на мою новую личность?»*

Я ждал ее приезда. Купил ее любимых конфет и мишку-тедди из коллекции, помня, что она еще с раннего детства собирает этих медведей. Даже настроение мое заметно улучшилось. Накануне Алёнкиного приезда я зашел к сеструхе обсудить, что будем делать на этих совместных каникулах. Конечно же, я бы предпочел узурпировать свою любимую девушку, но если честно, ужасно боялся, как бы восприняла Алёнка подобную идею. Лежа на Полькиной кровати, я лениво листал галерею в ее телефоне, когда один снимок заставил меня просто замереть. Я сел, дрожащей рукой держа телефон и смотря на счастливую пару на экране.

- Кто это? – глухо и все еще не веря спросил я.

- Черт, - подскочила ко мне Полинка, поспешно выхватывая гаджет.

- Систер, - требовательно повторил я, - кто этот мудак и почему он держит Алёнку за руку?

Ревность раздирала меня изнутри. Я ждал и одновременно боялся того, что скажет мне Полинка.

- Димк, - она плюхнулась на стул и как-то уж через чур жалостливо посмотрела на меня, - кажется ты опоздал, - думаю это ее парень.

- Что? – лучше бы она мне соврала. Я даже не стал отрицать ее заявление о моих чувствах к лучшей подруге. Наверное, это всем в доме было очевидно.

- Недавно Алёнка писала, что он ей признался. Прямо на выпускном из девятого класса, представляешь?

Вроде бы она много чего еще говорила. О том, что еще неясно какой же ответ дала ему Алёнка, и чтобы я не сдавался и шел до конца, но я просто сидел с опущенной вниз головой и мир вокруг меня расплывался, словно глаза мои теряли четкость очертаний. Да, я струсил, не стал в очередной раз испытывать судьбу и просто сбежал, используя, как предлог удачно подвернувшийся лагерь. Я бы не вынес точно, если бы приехавшая Алёнка стала расписывать какой замечательный у нее парень. В моих мыслях и снах она всегда была только со мной.

Какой я дурак! Дружище... Она ведь столько раз мне намекала.

Полинка звонила мне с настырной настойчивостью, но я попросту ее игнорировал. Это лето поставило крест на моих мечтах о взаимной любви. Нет, я никогда не смогу изменить ту нежность, которую к ней испытываю, просто загоню ее в уголок души, там, где вместе с непреходимой болью навсегда поселится образ рыжеволосой девушки с синими, словно весеннее небо глазами. Где-то через неделю после приезда, она поблагодарила меня за подарок прислав короткое

«Спасибо, Димка».

Но я не ответил.

p.s/

Чтож, мои Димка и Аленка выросли. Нагнала я Вам печали?

Сама вот со слезами на глазах. Интересно, а кто из героев Вам больше нравится?

Что немного разбвить тоску добавлю Вам изобразжения от ИИ образов Аленки и Димы.

Спасибо, что читаете и ставите лайки, это важно для меня, понимать, что история, которую я пишу кому-то нравится!

Димка

Алёнка

от автора

*Всем огромный привет!
Простите, что так долго не было обновлений,
не буду ничего придумывать, скажу честно, я ее пишу, просто очень трепетно отношусь
именно к данному моему произведению:)
Это как первая любовь, вот что значит для меня эта история.!
С завтрашнего дня я начну выкладывать главы на постоянной основе.
с 9 по 13ю - каждый день в 17.17
Далее через день еще пять глав в это же время, остальные чуть реже - через день или
через два
Как проходит ваше лето?
А пока, я надеюсь, вы ждете продолжения познакомлю вас еще с одной героиней -
Полина Морозова, сестра Димки*

9.

Мы поступили в десятый. Я знал от Полинки, что Алёнка тоже решила заканчивать одиннадцать классов. Осень, зима, весна я начал встречаться с девчонками. Они были разные красивые, робкие, яркие. Я целовал их тёплые губы, обнимал тонкие талии жаркими руками, и слушал как бьются их перепуганные сердца где-то по рёбрами, а моё собственное сердце просто молчало в ответ. Я всё ещё ждал лета ведь все они - не она.

Я часто ходил к Алёнкиной бабушке, мы садились с ней за старый деревянный стол пить чай, доставали альбом с чуть пожелтевшими от времени фотографиями и вспоминали годы, что промелькнули так незаметно. Тысячи ярких снимков и на всех, словно напоминая мне о том, что я безвозвратно потерял, улыбалась она. Мягкая, нежная, вздорная девушка с рыжими, как лучики солнца кудрями. Та, что как мечта, появилась в моей жизни на мгновение и исчезла, унося с собой счастье.

Ираида Петровна никогда не спрашивала меня, что же произошло между мной и её внучкой. Она подливала мне чай, гладила шершавой ладонью по моим отросшим волосам, совсем как в детстве, и тихо вздыхала.

Мы больше не писали друг другу сообщений. Не праздновали вместе Новый год.

Антон говорил, что я дурак, и что пора просто забыть эту свою летнюю подружку и жить дальше. Я не спорил со своим лучшим другом, не пытался оправдать свою болезненную заикленность на одной единственной девушке, не искал доказательства справедливости своих страданий... Мои страдания были тихими, как дождь за окном в пустой квартире. Они не кричали, не рвались наружу - они оседали где-то глубоко, в груди, рядом с тем местом, где должно было быть счастье.

Иногда, в самые неожиданные моменты, они просыпались. Когда я слышал её любимую песню в наушниках незнакомки на улице. Когда видел её сообщение, присланное Полинке. Когда кто-то из новых одноклассников упоминал имя, похожее на её имя, и на миг моё сердце замирало. Хуже всего было ночами. В тишине своей комнаты, когда все уже спали, а я лежал и смотрел в потолок, вспоминая её голос. Как она смеялась, как злилась, как шептала моё имя. Эти воспоминания были как ножи - острые, холодные, вонзающиеся в грудь по-новому каждый раз.

Я стал мастером маскировки. Улыбался, когда было нужно. Шутил с одноклассниками. Даже влюблялся, или делал вид, что влюбляюсь. Но внутри всегда было пусто, как разбитая чашка, неудачно склеенная обратно, с трещинами, по которым сочилась боль. Мои страдания стали частью меня, как шрам от давно зажившей раны. Я носил их с собой, как напоминание о том, что значит любить и терять. И, может быть, именно поэтому я до сих пор ждал - не только её, а еще и того самого лета, которое так и не закончилось по-настоящему.

А еще я научился врать и быть изворотливым. Зная, что сестра до сих пор поддерживает с Алёнкой переписку, я бессовестно читал сообщения и копировал себе её фотографии, даже так, постыдным обманом, я все ещё хотел быть частью её жизни.

- Морозов, ты чего, совсем охренел? – как-то поймала меня сеструха и поспешно вырвала из рук свой телефон.

А когда увидела, что именно я там разглядываю, как-то беспомощно осела на кровать и тоскливо на меня посмотрела.

- Ты, что до сих пор не забыл ее, Димк?

А я, пряча тугой комок в горле, отвернулся к окну и промолчал.

Что тут сказать? Что я не могу перестать думать о ней, хотя она, быть может, уже давно забыла, как я выгляжу? Что мне не хватает даже этих обрывков - её слов, её смеха в чатах,

её фотографий, которые я рассматриваю так, словно в каждом кадре прячется ключ к тому, как всё вернуть?

- Ты же понимаешь, что это больно, - тихо сказала сестра. —И тебе, и ей тоже. Если бы она знала...

- Она ничего не узнает, - перебил я, натянуто усмехнувшись. — Я просто хочу знать, что с ней всё в порядке.

Но в этом предложении было столько лжи, что мне и самому стало противно. Я не просто хотел знать. Я хотел быть нужным. Хотел чувствовать, что ещё не стёрт из её жизни полностью, пусть даже такими жалкими способами. Сестра вздохнула и положила руку мне на плечо:

- Дим, расскажи ты ей все, наконец, - она посмотрела на меня, как на упрямого идиота.

- Я не могу, не сейчас и не так, Полин. — я умоляюще посмотрел на неё в ответ.

Чего я тогда боялся? Потери своей глупой гордости? Очередного: «Ты всего лишь мой лучший друг, прости?»

А потом заболела Ираида Петровна. и Александр Иванович, папа Алёны, приехал за ней в Москву и после долгих уговоров увёз с собой в Нижний. А комнату закрыли на замок, словно навсегда запирая в ней наши с Алёнкой воспоминания.

10.

Так я провёл лето перед своим одиннадцатым классом. Второе московское лето без неё. Учёба и подготовка к ЕГЭ помогали не думать так часто. Я научился контролировать свои мысли, просто заталкивая куда-то на задворки души. Стал ходить на вечеринки, впервые попробовал виски. Девчонки не задерживались возле меня, задетые моим равнодушием. Одна только красавица Таня, казалось бы, её устраивала моя холодность и отстраненность. Она методично преследовала меня.

«Да загуляй ты уже с ней!» - неоднократно советовал мне Антон.

Яркая, длинноногая девушка нравилась многим в нашем классе, но, по каким-то не виданным мне причинам, предпочитала тратить свое время и внимание на меня. Сама приглашала в кино, дарила билеты на любимую мной рок-группу. Хотя, как подозревал я, ей вовсе не нравилась такая музыка. Мы не встречались, просто она всегда была рядом.

На выпускном я напился. Не до беспамятства, но достаточно, чтобы внутри что-то сломалось. Долго сдерживаемая пружина наконец лопнула и я больше не мог молчать. Не помню, как достал телефон, как набрал её номер. Номер, который знал наизусть с первого класса. А когда Алёнка ответила, я услышал смех. Не её, мужской. Где-то на заднем плане, приглушённый, но от этого ещё более отчётливый. Как удар в солнечное сплетение.

- Димка, привет! - удевленно и вроде бы радостно одновременно отозвалась она.

Я не знал, что сказать.

- Поздравляю тебя с выпуском! - глухо выдавил я наконец несколько слов и отключился.

Она набирала меня снова и снова, вибрировал в руке телефон...

Один звонок.

Второй.

Третий...

Я видел её имя на экране и каждый раз чувствовал, как что-то внутри рвётся. Но не ответил. Не мог. Я стоял на школьной крыше, ветер трепал мои волосы, в руке - телефон, в груди - лёд. А она... она была где-то там, в центре жизни, в кругу чужих голосов, в смехе, в котором мне не было места.

Я вернулся в зал, нашёл там Таню и вытащил за собой в школьный спортзал, притянул к себе и поцеловал в засос. Грубо, не чувствуя ничего кроме оголтелого желания выкинуть из головы чужой радостный смех. А потом Таня сама обхватила меня руками за талию и утянула на маты. Так случился мой первый раз с девушкой, которую я даже не любил, на пыльных матах, в темном углу школьного спортивного зала. Испытал ли я облегчение когда все закончилось - нет, только освободил свою обиду и злость и осознал, что окончательно передал её, свою первую невозможную любовь....

И каждый раз, когда я спал с Таней, я чувствовал, как все дальше отдаляется от меня девочка с синими, похожими на небо моего детства, глазами. Мы стали встречаться с Таней. Вернее, я не назвал бы это встречами, так друзья по переписке, как модно сейчас говорить.

Возможно, Таня думала об этом иначе. Она таскала меня по кафе, представляла своим знакомым девчонкам, а я безразлично позволял ей все что угодно. Наверняка другие считали нас парочкой, а мне было плевать. Кажется, сеструха меня тихо ненавидела. По ночам, когда я по-воровски пробирался в квартиру, она открывала дверь из своей комнаты и зло констатировала:

- Что Морозов, опять таскаешься с ней?

А я прятал свое смущение в темноте летней ночи и молчал в ответ.

Август прорвался в Москву стремительно и неукротимо. Всё ещё стояла жара, но по ночам воздух уже пах осенью: пожухлой травой, первыми засохшими листьями. Я ждал результатов зачисления в Бауманку, хотя почти не сомневался что прошел. С моими то баллами. Предки сказали мне что я просто герой! Я так хорошо сдал ЕГЭ, почти 100% по всем предметам. Они от меня такого не ожидали.

Бауманка. Университет мечты. Я прошёл собеседование, сдал документы, подписал договор. А я внутри всё время чувствовал пустоту, как будто достиг всего, чего хотел, но всё равно потерял главное.

Я часто думал об Алёнке. Не о той, которая смеялась где-то в другом мире, а о той, что жила во мне до всего этого - синеглазой, светлой, почти мифической. Она словно бы ушла в прошлое, но каждый раз, когда я засыпал, я слышал её голос - тихий, как шорох ветра на нашем балконе. Мне снились красивые сны: я, мы, где-то в весеннем парке, вишня сыплет нам лепестками на голову, я держу ее за руку, нежно переплетая вместе наши горячие пальцы, бережно обнимаю за талию, останавливая и разворачивая к себе, а потом прижимаюсь к ее пахнущим клубникой и свежестью губам своими губами...

Я просыпался от мучительной боли в паху, дрожил, глядя на ее фотографию в ванной, ненавидел себя за это и спал с другой.

Таня всё чаще звонила мне по утрам. Сначала это было даже приятно - внимание, тело, которое знало меня лучше, чем я сам. Но потом я начал замечать, как она смотрит на меня. Она хотела большего. А я не мог дать ей ничего дать.

- Ты вообще меня любишь или просто используешь? - спросила она однажды, когда мы лежали после очередного секса в её кровати.

- Не знаю - ответил я.

Она улыбнулась, грустно и будто бы обреченно, кивнула. Потом прижалась головой к моему плечу. Я обнял её. Не потому что хотел, а потому что боялся. Боялся, что если начну чувствовать, если перестану обманывать себя, то не остановлюсь. Что тогда я снова вспомню её - ту, что ушла из моей жизни, и всё настоящее окажется ложью.

А Алёнка? Может быть, тоже думала обо мне? Или уже забыла. Кто знает.

Я шёл домой поздним вечером, сегодня я проигнорировал приглашение Тани и отправился с Антоном и остальными играть в баскетбол. Потный, уставший, но, наверное впервые за лето, странно спокойный я по привычке поднял взгляд на наш балкон и увидел, что в комнате, принадлежащей Ираиде Петровне горит свет.

11.

Я побежал как сумасшедший, даже пару раз споткнулся в темноте и чуть не упал. И без того мокрая футболка прилипла к груди ещё сильнее. Проигнорировав лифт я бежал наверх перепрыгивая через ступеньки, сердце колотилось внутри.

Что ждёт меня дома? Разочарование или все же надежда?

Возможно Ираида Петровна окончательно поправилась и вернулась в Москву? Уже около квартиры, я остановился, упёршись рукой во выходную дверь, наклонился и закрыл глаза, пытаюсь успокоить безумно колотившееся сердце Потом я вошёл, и осторожно, не зажигая свет в коридоре прошёл к знакомой двери. Замка больше не было и в приоткрытый проем лился приглушенный вечерний свет. Я остановился в дверях не в силах сделать это последнее и самое, как оказалось, трудное движение и постучать.

- Привет, - Алёнка словно почувствовала это и сама распахнула дверь.

И я смотрела на неё как на чудо, жадно впитывая её образ: чуть подростковую, но по-прежнему тоненькую фигурку, рыжие локоны, кажущиеся менее яркими в свете вечернего света, синие, смотрящие на меня с легкой растерянностью и такие родные глаза. Я хотел шагнуть ей навстречу, сгрести в охапку хрупкое тельце и до боли прижать к себя, зарывшись лицом в пушистую макушку. Но вместо этого, я просто осел у дверного косяка и глухо ответил

- Привет, - с трудом выталкивая звуки из пересохшего горла.

- Димка, ты чего? - она торопливо подошла ко мне, присела напротив и беспокойно заглянула в лицо, ища на нём признаки недомогания или боли.

Я все же не утерпел и осторожно, словно боясь испугать или потревожить, взял в свои, ставшие вдруг потными ладони, ее маленькие изящные пальчики.

- Ты приехала, - почти не веря прошептал я.

Кажется Алёнка тоже была смущена нашей встречей.

- Ты чего такой потный? - попыталась пошутить она, - Лифт не работает?

Я так много хотел ей сказать, как скучал, как не спал ночами, вспоминая ее образ, как пытался тысячи раз позвонить, как ревновал ее к далекому и чужому мне Нижнему и всем людям, что были рядом с ней эти два года. но не смог. Слова, рождавшиеся в глубине моей души рвались наверх, но упрямо застревали в горле.

- Вставай, чай пошли пить, - предложила она, легко вспархивая на ноги и пытаясь заставить меня двигаться.

Я послушно качнулся следом, поднимаясь и заходя в полузабытую комнату.

- Я так рад, что ты здесь.

И Алёнка улыбнулась в ответ. Ярko, искренне, так, как улыбалась мне еще в детстве и я понял, что счастлив.

Бабушка Алёнки так и осталась в Нижнем, её здоровье улучшилось, но Алёнкины родители её не отпустили. Поэтому эти две недели Алёнка проводила в Москве одна, жила в бабушкиной комнате и немного важничала будто уже совсем взрослая. Как оказалось, мои предки тоже скучали по своей маленькой рыжеволосой летней соседке и очень часто по вечерам мы собирались всем составом на ужин: сеструха, папа, мама, Алёнка и я. Как семья. Я краснел от этой шальной мысли и не позволял себе фантазировать.

Кажется в этот август мы будто вернулись в детство. Ходили в кино, ездили в зоопарк, подолгу сидели по вечерам на балконе и говорили по-разному обо всём на свете и ни о чем. Я таскал за нами Полину, словно боялся, что если останусь с Алёнкой наедине, то обязательно сделаю какую-нибудь глупость.

Полинка ехидно шурилась и периодически показывала мне язык. А когда Алёнка не слышала, называла меня трусом, который не может управлять собственными чувствами. Я пони-

мал, что она права, но боялся сломать то хрупкое, что вновь зародилось между нами и в очередной раз откладывал разговор на завтра.

И все же в один из вечеров Поинка умудрилась слинять, оставь меня растерянного и смущенного с моей невозможно желанной Алёнкой Мы шли по липовый аллея, в парке рядом с домом Тесно, почти прислонившись друг другу и я пытался как бы невзначай взять её руку. Пальцы мои не слушались и дрожали, я вытирал их, вспотевшие от напряжения, о краешек джинсов и снова пытался осторожно схватить тонкие пальчики. Но передумывал...

Нежность к этой хрупкой девочке билась внутри меня. В воздухе пахло липами, вечером и легким запахом клубники от её локонов, что касались моего лица раздуваемые тёплым ветром. Алёнка шла рядом а я боялся, что она услышит мое гулко бьющееся сердце. Мы ели мороженое. Вкусное. подтаявшее эскимо и смеялись, вспоминая отрывок из недавно просмотренной комедии. Я увлекся, чуть забежал вперед и резко остановился. словно споткнулся, увидев перепачканный мороженым уголок ее губ. Я сам не понимал что сейчас делаю...

Мир кажется замедлился, разбившись вдребезги на тысячи квантов. Я наклонил свое лицо к ней и заглянул в растерянные глаза. а потом перевел взгляд на приоткрытые губы...

Если бы я ее тогда поцеловал? Она не была бы против?

Сердце ухнуло еще раз, я потянулся, медленно сокращая расстояние между нашими лицами. Кажется или ее ресницы дрогнули? Я её напугал? Мысли теснились в моей голове... я почти сделал шаг, но струсил. Резко поднял локоть к ее лицу и вытер чужие губы руком рубашки.

- Вот ведь грязнуля, выросла, а мороженое есть так и не научилась, - как-то совсем неловко пошутил я.

А она отступила на шаг и что же мелькнула в ее глазах? Сожаление что ничего не случилось?

- Может пойдем домой, Димка? - тихо предложила она пока я в растерянности стоял на аллее и вдруг сама взяла меня за руку, переплетая вместе наши горячие пальцы. Так, будто это было самое естественное в мире.

Мы шли домой медленно. Мучительно медленно. Как будто вбирали в себя этот вечер, этот шанс, эту хрупкую нить, что вдруг протянулась между нами после двух лет молчания. Я держал её ладонь в своих руках, как нечто хрупкое, словно боялся, что если сожму сильнее - она исчезнет. Вдыхал её запах - сладковатый, клубничный, с ноткой детства и лета и почти плакал. Не от боли. От счастья. От того, что она здесь. Рядом. И держит меня за руку. Мы вошли в квартиру и я запоздало вспомнил, что родители на даче, а сестра сбежала к подруге и мучительно покраснел. От обрушившейся на нас тишины, от своих мыслей, от этого вечера. Аленка сняла балетки, прошла в комнату, оглянулась и улыбнулась мне, доверчиво, тихо.

- До завтра, Димка.

Закрyla дверь.

А я остался стоять в коридоре. Сердце билось в горле, в висках, в ладонях. Она была здесь. За хлипкой дверью. В своей комнате. Той самой, где когда-то оставляла смешные рожицы фломастером на стекле, где играла на гитаре, где смеялась, сидя на подоконнике. Я не мог уснуть. Не мог даже сесть. Не мог просто стоять. И тогда я взял тряпку, бутылку с чистящим средством и пошёл на кухню. Открыл холодильник. Начал мыть: каждую полку, каждую щель, каждый уголок, где скапливалась старая влага и запах подгнившего лука. Тёр, пока руки не заныли. Пока пена не потекла по пальцам. Я мыл холодильник всю ночь. Не потому что он был грязный. А потому что, пока я мыл, я чувствовал себя занятым. Что-то делал. Что-то контролировал. А за стеной - она спала. Дышала. Мечтала. Может, обо мне.

И каждый раз, когда тишину прорезал скрип половицы или шорох одеяла, я замирал. Слушал. Как будто мог услышать, как бьётся её сердце. Я не мог уснуть, потому что она была рядом. Потому что всё, что я скрывал два года, теперь дышало за тонкой дверью. Потому что

любовь - это не всегда поцелуи. Иногда - это мытьё холодильника в три часа ночи, потому что иначе сойдёшь с ума от счастья, которое боишься называть по имени.

Я ушёл к себе в комнату уже утром. Поздно проснулся, вздрогнув от того, что кто-то гремел посудой на кухне, и поспешно натянув футболку, открыл дверь. Пахло жареной яичницей и кофе. Я поискал глазами Аленку, но вместо любимой девушки наткнулся на хмурый, словно грозовая туча взгляд сестры.

- А где Алёнка? - спросил я.

- Уехала, - зло ответила мне Поля и я застыл. Сердце заныло, не выдержав новой боли. Она опять меня бросила. Только вчера мне казалось, что мы теперь вместе.

Я сжал кулаки, готовый поймать и до хруста в ее маленьких косточках сжать эту непостижимую мне девушку, заставив все объяснить.

- Морозов, ты сам все испортил.

Да если бы я...

Пискнул забытый на столе мобильный. Я взял его в руку, в надежде получить от Алёнки сообщение, что все в порядке и она просто вышла в ближайший магазин, а злость сестры - это розыгрыш. Но строчки были не от нее, они плыли перед глазами, и я страстно желал, чтобы их никогда не было, чтобы прилетел добрый волшебник из детских книг и помог им исчезнуть из моей памяти. Я горько выругался, стукнув по столу кулаком, так, что уронил на пол остывшую яичницу и все понял.

Полинка права, на этот раз я сам все испортил...

12.

Я не стала встречаться с Максимом, просто не смогла. Он чудесный, спокойный, веселый парень, но он не Димка. Мой безжалостный друг прочно засел в сердце. Летом после десятого класса я долго металась ехать в Москву или нет, смотрела на плюшевого мишку, что стоял рядом с моей кроватью, и вспоминала, как провела прошлое лето в одиночестве. А потом внезапная болезнь бабушки поставила крест на моих метаниях. Папа забрал её к нам и то время, пока она лежала в больнице, я как самая незанятая из всей семьи, за ней ухаживала.

С Димкой мы практически перестали общаться. Он больше не звонил мне и не писал сообщения. И я как «гордая ледяная королева» молчала в ответ. Только от его младшей сестренки, с которой мы продолжали созваниваться, я узнавала об обрывках его жизни. Она говорила о нём легко, но в каждом слове сквозило что-то большее - как будто она пыталась передать то, что он не мог сказать сам.

От Полинки я узнала, что он стал одним из лучших в классе - сконцентрированный, почти одержимый. Что пропускает перемены, чтобы остаться в кабинете с учителем, пишет какие-то исследовательские работы по информатике, участвует в олимпиадах. А ещё она как-то сказала, что он скучает. По мне. Что иногда ловит её взглядом, когда она говорит обо мне по телефону, и отворачивается. Что однажды она застала его за тем, как он перечитывает старые сообщения - те, что я присылала ещё в седьмом, когда мы смеялись над глупыми шутками и мечтали о совместной поездке обеих семей на море.

Но я не верила Поле...

Считала, что маленькая плутовка просто хочет нас помирить. Хочет, чтобы мы снова сидели на бабушкином московском балконе, смеялись и делили одни наушники, как раньше. Хочет, чтобы её брат перестал быть таким равнодушным и таким далёким. Я говорила себе, что Полина врала. Но почему-то каждый раз, когда я закрывала глаза, мне чудился его голос, чуть хриловатый и торопливый, и плюшевый мишка на моей полке смотрел на меня так, будто знал правду.

Я хорошо сдала ЕГЭ подала документы в несколько вузов, но в приоритете был МГУ, я хотела учиться в городе в котором живёт мой Димка. В августе после одиннадцатого я набралась смелости и поехала в Москву, чтобы всё ему рассказать. Не стала заранее говорить о своём приезде, может, боялась, что мой порыв растает. А может, действительно хотела сделать сюрприз. Хотя, скорее всего, это была просто трусость. Трусость перед тем, что он мог не обрадоваться, мог не понять, мог просто сказать: *«Ты опоздала, прости»*.

Старый дом встретил меня тишиной, я зашла в тёмную квартиру, в которой не была уже два года и открыла дверь в бабушкину комнату. Включила свет. Светильник мигнул, как будто тоже узнал меня. Глупо нервничая и не зная, как лучше унять своё волнение я стала вытирать пыль, скопившуюся за время бабушкиного отсутствия. Разложила вещи, заварила чай - тот самый, с ромашкой и мятой, который бабуля всегда пила по вечерам. Потом забралась с ногами на подоконник, обхватила колени руками и стала смотреть вниз, во двор.

Он сильно изменился за два года. Теперь здесь была яркая детская площадка, а не прежняя полуразвалившаяся песочница. Липы и березы тоже порядком подросли, образуя теперь маленький скверик, и место для парковки огородили и окультурили.

И вдруг сердце ёкнуло. По тропинке, вытоптанной от скверика к дому, шёл он.

Димка.

Тот самый - с той же походкой, слегка рассеянной, будто его мысли всегда опережали тело, в светлой футболке и джинсах. Руки в карманах, голова чуть опущена — как будто считает что-то на асфальте: шаги, воспоминания, формулы? И вдруг я поняла, что сижу здесь, в бабушкиной комнате, у окна, как незванный призрак из прошлого, и сердце моё заколотилось

так, что стало трудно дышать. Я резко соскочила с подоконника, задев чашку. Та дрогнула, но не упала. Я отступила вглубь комнаты, прижала ладони к щекам, пытаюсь охладить запылавшую кожу.

«Что я скажу? Как посмотрю ему в глаза?»

Я сделала шаг к двери. Потом остановилась. Передумала.

А вдруг он не хочет меня видеть? А вдруг он уже давно перестал думать обо мне?

Но потом он замедлил шаг. Остановился. Поднял голову.

Будто почувствовал...

Я отступила еще дальше, словно моего предыдущего отступления было недостаточно, я так глупо испугалась, что он увидит меня, смотрящую из окна. Я ждала. И тянулись секунды: первая, вторая, девяносто девятая. Там, на площадке раздались шаги. Я застыла, схватившись за дверную ручку и слушала. Вот Димка повернул замок, вот вошёл...

- Привет, - я сама распахнула дверь.

- Ты приехала, - выдохнул он, а потом я даже испугалась.

Димка покрасневший, потный, осел у двери. Я подлетела к нему, перекрывая волнение встречи волнением за его жизнь.

- Ты приехала, - снова повторил он.

И я поняла, что с ним все в порядке, что он просто рад и смущен, как и я.

Знаете ли вы что такое счастье?

То, что бьётся каждой клеточкой твоего тела? Счастье, которое окрашивает яркими красками все вокруг: старый двор, сломанную скамейку. Даже крики надоедливых чаек, что не дают тебе спать по утрам, кажутся волшебными звуками. Мы с Димкой, будто вычеркнув все те недопонимания, что были у нас, снова как в детстве просто наслаждались общением друг с другом. Мы забыли, что нам уже по восемнадцать и чудили как маленькие: бегали качаться на качелях, прятали от Полины конфеты, слушали музыку в старом плеере, сидя до утра на балконе и снова загадывали желание, глядя на падающие звезды.

В воскресенье вернулась с дачи его семья. Тётя Оля обнимала меня и плакала и даже дядя Женя украдкой пару раз вытер глаза. Мы собирались на совместные ужины и были похожи на обычную семью. И в этой обычности было столько... Раньше я мечтала о мечте - о ярком, далёком, звенящем. А теперь поняла: самое заветное — это просто чтобы завтрабыл этот стол, этот смех, этот голос за дверью. Чтобы обычное не кончалось. Чтобы ничто не напоминало о том, что всё может исчезнуть.

Я немного боялась остаться с Димкой наедине, боялась неловкости, что могла встать между нами и была рада, что во всех наших вылазках участвовала Полина.

- Вы как маленькие, - корила она меня, - не надоело таскать за собой третьего лишнего?

Юная, шестнадцатилетняя выскочка, все то она знала!

Мы возвращались из кино, Полинка, предательница, нас покинула и мы впервые со дня моего приезда в Москву были наедине. Сначала мы шли молча, немного смущенные и оглушенные этим вечером, обществом друг друга, но потом купили эскимо на деревянных палочках, как в детстве и напряжение постепенно ушло. Я старалась есть аккуратно, но всё равно размазала чуть- чуть по лицу. Димка смеялся, вспоминая смешной эпизод из комедии, увлекся рассказом и даже чуть забежал вперед.

- У тебя... - он вдруг остановился, взгляд скользнул к моим губам. - Вот здесь, мороженое.

Я замерла. Он сделал шаг ближе. Очень близко.

И тогда я увидела, как его глаза потемнели, словно наполнились нашей с ним общей бесконечностью. Он наклонился. Я почувствовала тепло его лица, запах его тела лёгкий, с едва уловимым оттенком ванильного мыла. Он почти коснулся меня. Почти. Я на секунду прикрыла глаза...

- Вот ведь грязнуля, выросла, а мороженое есть так и не научилась, - вместо поцелуя он дрожащей рукой, стёр мороженое рукавом своей длинной рубашки.

Я замерла. Внутри всё сжалось. Не от обиды - от разочарования. Не потому, что он не поцеловал. А потому, что почти поцеловал. Потому что я почувствовала, как он хотел.

- Может пойдем домой, Димка? - я первой взяла его за руку, не сказала ни слова. Просто сжала его пальцы и пошла дальше.

Я проснулась рано ещё до того, как солнце окончательно взяло верх над серыми московскими крышами. Лежала на бабушкином диване, укрывшись старым пледом, и планировала, как сегодня я всё расскажу. Про поступление в МГУ, про то, что хочу быть рядом, чтобы просто идти по улице, держась за руку, как вчера.

Я встала тихо. На цыпочках прошла на кухню, включила чайник, нашла в шкафу сковородку, и начала готовить завтрак: яичницу, тосты. Сварила кофе в старой турке. На столе, забытый им вчера лежал Димкин телефон. Он вдруг задрожал и я даже подпрыгнула - пришло сообщение. А потом еще и еще...

Я не хотела читать. Честно. Просто убавить звук. Но имя «Таня» высветилось на экране, и я вспомнила ее, ту красивую девушку-одноклассницу. И руки невольно потянулись к экрану.

«Когда твоя надоедливая соседка уезжает? Я скучаю. Может увидимся?»

Я замерла. Словно кто-то выкачал воздух в комнате, в голове, в груди. Следующее сообщение пришло через секунду.

«Я скучаю по тебе... по всему. Особенно по тому, как ты меня целуешь. В губы, в шею, в живот...даже там...»

И тут же - фотография. Не откровенная, нет. Просто как он спит, обняв ее в чужой постели. Я стояла, держа в руке сковородку...

Он не сказал. Он вчера держал меня за руку, почти коснулся губ, смотрел так, будто я единственная, кого он ждал...

Я механически покидала вещи в свой чемодан, обняла такую же заплаканную после моих объяснений Полинку и уехала на вокзал. Я поступила в Питере. Туда, куда подавала документы на всякий случай. Где не было его. Где не было воспоминаний. Где никто не знал, о чем я мечтала еще вчера.

13.

Я переехала в Питер, поступив на архитектурный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Моя мечта стать реставратором наконец-то начинала воплощаться в действительности. Я бродила по городу и фотографировала старинные фасады, парки, узкие питерские улочки и фантазировала, как буду воссоздавать утраченное, вдыхать дыхание в камни, помнящие чужие судьбы.

Лето, принесшее мне столько болезненных воспоминаний, наконец-то закончилось. Оно висело тяжело: в стуке дождя по асфальту, в чьём-то смехе на лестнице, в несказанных кому-то словах и в отголосках любви, у которой больше не было смысла.

Я полюбила осенний Питер. Вечно хмурый, с редкими просветами в тучах и дождями, идущими без объявления, он стал созвучен моему настроению, будто город проявлял солидарность, будто говорил мне, что грустит вместе со мной. Сырость въедалась в кости, но в ней была честность. Осень не притворялась. Она не обещала солнца. Она просто была.

Я не переставала думать о Димке, тысячи раз прокручивая тот наш день, скучала, плакала, но не могла простить. Хотя разве было что-то прощать? Мы всегда были только друзьями и это лишь глупая я нафантазировала что-то большее.

Я познакомилась с одноклассниками, быстро сошлась с соседкой Маринкой. Мы с ней делили одну комнату, чай, ночи, мечты. Постепенно Москва стала казаться мне чем-то далёким, почти сном. Будто всё, что там было: Димка, тот вечер у кинотеатра, смех, мороженое на палочке - случилось не со мной, а с кем-то другим, в прошлой жизни. Студенческие будни заполнили меня целиком: лекции, чертежи, прогулки под дождём по набережной, где каждый фонарь отражался в лужах, как все еще тлеющая надежда. Только разговоры с Полиной вырывали меня из этой новой реальности. Она звонила часто, говорила о мелочах. И каждый раз в её голосе было что-то недоговорённое как будто она знала больше...

А я так хотела услышать о том, что Димка ...

О том, что он все ещё меня ждёт.

Глупая девочка Алёнка, верящая в сказки!

Как-то уже зимой я разоткровенничалась с Маринкой и слово за слово рассказала ей всю нашу с Димкой непростую историю, от начала и до конца. Она сказала мне, что Морозов конечно тот ещё гад, но всё-таки я была слишком поспешной и не дала ему шанс всё объяснить. Возможно, по словам моей более разумной подруги, та девушка была просто заменой меня и ничего для него не значила. Я не выдержала, взяла билет на сапсан, и приехала тридцать первого декабря в Москву. Было одиннадцать, темно, видимо Димкина семья отмечала праздник в другом месте.

Глупая, на что я надеялась?

Я осторожно прошла в свою комнату, не зажигая свет, включила телевизор и позвонила маме. Пришлось изображать веселье, которого не было и врать, что я на вечеринке, в Питере, с друзьями. Уже ночью мне невыносимо захотелось пить, в горле пересохло до невозможности. Я встала и, натягивая тапки, вышла на кухню.

Действительность ударила меня наотмашь.

Дерзкая, красивая, еще более длинноногая, чем я запомнила, Таня, входила навстречу мне из Димкиной комнаты. Босая, слегка растрепанная, в одной его рубашке. Мы столкнулись взглядами. Два шокированных лица. И вот, после секундного замешательства в её глазах загорелась тихая, почти жестокая уверенность. Будто она сказала без слов: *"Теперь ты видишь - он мой"*.

Я не стала ничего выяснять. Не закричала. Не упала. Просто кивнула - как будто это было ожидаемо. И прошептала:

- Пожалуйста, не говори, что я приезжала.

Оделась, убрала следы своего пребывания: вымыла кружку, поправила отодвинутый стул и уехала обратно в Питер.

И в этой его ставшей уже привычной серости я впервые почувствовала, что возможно, не всё нужно восстанавливать. Иногда важно просто позволить разрушению остаться и начать чертить новый план на пустом месте.

14

Мы просто друзья, не более –

Волей-неволею.

Друг друга сложно нам забыть, увы.

После того августовского утра я просто застыл. Наверное, оправдывая свою фамилию Морозов, я заморозил свои чувства и просто жил. Я разорвал отношения с Таней не потому, что она прислала ту фотографию, а потому что написала «это надоедливая соседка» о моей любимой девушке. Монахом я, конечно не стал, иногда моей жизни случались встречи. Но все они были мимолётными. Девушки, с которыми я спал, были такими же, как я. Обычная физиология - никаких привязанностей никаких страстей, бесконечный сообщений и общих знакомых, просто секс и ничего более.

Мы с Антоном поступили в Бауманку. Меня с детства манили звёзды. Далекие, яркие, загадочные. Я выбрал факультет навигационно-баллистического обеспечения применения космической техники. Звучит громоздко, но по сути я хотел научиться управлять полётами ракет и космических аппаратов. Хотел чтобы однажды, люди смогли полететь к тем самым звёздам, глядя на которые мы в детстве загадывали желание. Учёба, лабы, бессонные ночи над конспектами всё шло по накатанной.

Лето сменялось осенью и зима весной. Мы больше не виделись, но Алёгка по-прежнему жила в моём сердце. Не отпускала. Приходила невыносимой болью по ночам, когда уже невозможно было прятаться от собственной памяти. Я ходил на пары, писал курсовые, шутил с друзьями. Как робот, у которого никогда не было души

В конце третьего курса не выдержал и рванул весной в Питер. Хотел рассказать Алёнке, что всегда любил лишь её одну, хотел умолять её быть со мной.

Я уже строил планы...

Но когда подходил к её общежитию, увидел их. Мою Аленку и высокого светловолосого парня в модной косухе. Они смеясь болтали о чем-то, он держал её под локоть. Как в замедленной съемке я стоял незамеченный и наблюдал за чужим счастьем, как вор. У огромной лужи они остановились, а потом он подхватил ее на руки, легко, а она доверчиво прислонилась к нему. Дальше я не смотрел. Не мог. Развернулся и почти бегом зашагал прочь.

Я понял, что опоздал. Не на день, не на месяц - на целую жизнь. Что она уже давно живёт в другом времени, с другим человеком. А я - остался в прошлом. Своём, одиноком. Окончательно лишний.

Я шёл по холодному, чужому мне городу не разбирая дороги, Забрёл в какой-то попавшийся по пути бар и заказал выпивку. Пил до утра, даже бармен ничего не сказал, молча поставил бутылку виски и позволил остаться даже после закрытия... Лишь сказал, грустно:

- Понимаю, брат.

Смутно помню как наступило утро, как вернулся на Московский вокзал и сел на поезд. Учеба продолжалась. А внутри тишина. Та самая, что приходит, когда понимаешь: ты уже не нужен. Совсем.

Я начал встречаться с девушкой. Красивой, тихой, заботливой. Решил, что пора двигаться дальше. Любви не было, но Антон, который был моей вечной подушкой в пьяных стенах, сказал, что нужна заставить себя, нужно переступить... Я ласкал её тело, пряча лицо в шелковистых волосах и представлял, что прикасаюсь совершенно к другой. Чертов большой мудака! Наверное через полгода я застал её за рассматриванием галереи в моем телефоне.

- Кто это? - моя тогдашняя девушка не смущаясь, что её застукали, протянула мне смартфон.

- Не имеет значения, - как можно небрежнее ответил я. Безошибочно понимая, про чью именно фотографию она спрашивает. В моей галерее я сохранял только её.

- Красивая, - задумчиво произнесла она, - Алёна?

Если честно, я был удивлен, как она узнала о ней?

- Что? - как-то совсем невесело рассмеялась девушка, - не понимаешь как я узнала? - она резко оборвала смех и отбросив одеяло стала собирать разбросанные у кровати вещи, - Морозов, ты уже несколько раз во время наших занятий любовью назвал меня её именем.

Больше я ни с кем серьёзно не встречался.

D8ve-JKB

15.

Пять лет в университете прилетели незаметно. Я влюбилась в Питер с его туманами, дождями и непредсказуемостью погоды. Частым ветром и такими долгожданными ясными днями весной. Я приняла этот город всей душой и он принял меня в ответ. Я так и не завела серьёзных отношений, хотя на третьем курсе почти начала встречаться с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.